Малик Мулич (Сараево)

ИОАНН ЭКЗАРХ БОЛГАРСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ В СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

О языке и стиле Иоанна Экзарха Болгарского до сих пор написано уже немало трудов[1]. Поэтому любая попытка добавить к сказанному что-либо новое представляет собой нелегкую задачу. Однако сам факт, что о творчестве этого древнего славянского писателя высказывались противоположные суждения в работах исследователей, говорить о том, что вопрос не исчерпан до конца: нужны новые усилия и подходы к теме, которые должны привести нас к объективной истине.

Как известно, Иоанну Экзарху до сих пор предъявлены два основных упрека, а именно: а) наш автор, по мнению П. Олтяну,[2] отнюдь не оригинален, а всего лишь талантливый переводчик с греческого языка на славянский; б) А. Лескин полагал, что Иоанн Экзарх не владел в должной мере греческим языком и допустил ряд ошибок в переводе, не найдя для самых простых на вид слов точных славянских соответствий[3]. В своем обстоятельном исследовании, предпосланном к I-му тому сочинений Иоанна Экзарха (изд. БАН, София 1971) Д. Иванова-Мирчева основательно ответила на положения П. Олтяну и отклонила их как несостоятельные[4]. Относительно же мнения А. Лескина следует сказать, что сам он выразил свой суд весьма осторожно, смягчив его рядом оговорок. Нисколько не умаляя доводов тех авторов, которые положительно говорят о творчестве Иоанна Экзарха, нам здесь хочется поделиться некоторыми соображениями относительно его стилистических приемов — в надежде, что наши положения вместе с их критической оценкой помогут отвергнуть некоторые недоразумения.

Исследуя творчество Иоанна Экзарха и других современных ему славянских писателей, при всей научной объективности, оценивая стилистические достоинства их сочинений, мы иногда упускаем из виду одно очень существенное обстоятельство: творчество этих писателей (переводы, равно как и оригинальные их произведения) мы сравниваем с подлинниками византийской литературы, имевшей за собой многовековую традицию. При этом мы забываем, что славянская письменная литературная речь в IX—X вв. делала свои первые шаги в процессе становления. Поэтому нередко все сравнения могут быть не в пользу славянских авторов. Вот, кстати, почему уместны и замечания И. Дуйчева в начале его историко-литературного очерка о Иоанне Экзархе, что он жил и действовал именно в ту решающую для славянства эпоху, когда письменность и литературный его язык только-только становились, и недалеким временем в памяти славян была та пора, когда они „ѵрьтами и ѳезами“ записывали свои несложные заметки[5].

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что переведенные Кириллом и Мефодием тексты богослужебных книг, в стилистическом отношении родственные устному народному творчеству (евангельские притчи и повествования), несмотря на нередко присущую им поэтическую приподнятость и своеобразную лиричность, перед своими переводчиками не ставили тех сложных задач, какие надлежало решать участникам Преславской и Охридской школ. В эти задачи, как известно, входило — справиться не только с отвлеченной лексикой, выражающей и такие понятия, о которых до тех пор славяне не имели никакого представления, но и суметь в своих же переводах передать приемы византийской риторики и стилистики. Существовавшие уже славянские переводы тут в образцы (за исключением Псалтыри) мало или почти совсем мало годились. Это тем более надо помнить, так как ученики Кирилла и Мефодия и продолжатели их дела были отнюдь не простими переводчиками, механически передававшими на славянском языке значения греческих слов и словосочетаний, не заботившимися о внутреннем их смысле. Как справедливо указал Кр. Станчев, эти писатели восприняли от славянских первоучителей не только вероучение, но и эстетические воззрения, „притом во многих случаях мы можем предполагать и прямое влияние Кирилла в этом отношении. Достаточно припомнить, что любимый автор Кирилла, Григорий Богослов, является источником для многих из наших самых ранних писателей; что встречаем прямые ссылки и перифразы формулировок Псевдо-Дионисия в Учительном евангелии Константина Преславского, в Симеоновом сборнике (копия 1073 г.), у Иоанна Экзарха . . . А о роли Иоанна Дамаскина достаточно упомянуть только перевод его „Небес“, изготовленный Иоанном Экзархом[6]. Философско-эстетические взгляды отразились, конечно, не только в ссылках и цитатах, но и в самом стиле авторов, стремившихся отобразить достойным образом в словах мир вечного добра и света, *невещественного в вещественном.*

Иоанн Экзарх не был церковью причислен к лику святых или блаженных, и потому мы ныне не располагаем его житием, какого удостоился, например, Климент Охридский. Однако и те немногие данные, почерпнутые из произведений Иоанна Экзарха, говорящие о его творческой биографии, указывают на проблемы, которые предстояло решать второму поколению славянских книжников; эти же данные говорят и о том, что Иоанн Экзарх „принадлежал к высшему кругу придворной болгарской знати и вместе с молодым Симеоном, будущим болгарским царем, получил высше образование в Византии“[7]. Согласно датам, приведенным в упомянутой выше работе И. Дуйчева, наш автор пробыл в Константинополе с 878 по 885—886 гг., что примерно соответствует сроку, необходимому для овладения теми дисциплинами, которые преподавались в Магнаурской школе или в каком-нибудь другом столичном высшем учебном заведении того времени (тривиум с квадривиумом). Трудно представить себе, что за такой срок, к тому же получая высшее образование, наш автор не мог в совершевстве овладеть греческим языком. Нам, правда, остается неизвестным сколько именно лет было будущему книжнику и церковному сановнику, когда он временно покинул родину, отправляясь в Константинополь. Нам также неизвестно, в какой степени до этого времени ему была близка традиция устного творчества его народа, так или иначе легшая в основание становившегося тогда литературного языка славян. Это очень важно, ввиду того что Иоанн Экзарх получил образование на греческом, а

не на славянском языке. И, наконец, долгое повседневное общение с плодами иноязычной богатой греко-византийской цивилизации не вызвало ли даже на определенное время у молодого Иоанна на первых порах по возвращении на родину легко объяснимое пренебрежение к родному языку, на котором трудно было изъясняться так тонко и изысканно, как на греческом? Все ж таки, как видим, Иоанн Экзарх не поддался возможным слабостям и соблазнам грекофильского толка и, оказавшись снова на родине, в обществе учеников Кирилла и Мефодия (вероятно, в монастыре св. Пантелеймона, находившегося недалеко от древней болгарской столицы Плиски) научился славянской грамоте и познакомился с произведениями молодой славянской письменности, чтобы потом и самому включиться в процесс дальнейшего ее обогащения и разработки литературного славянского языка.

Нерешительность и опасения, проявленные Иоанном Экзархом перед тем как приступить к переводу сочинений Иоанна Дамаскина, говорят не только о своеобразной средневековой манерности этикетного самоунижения, но также о реальных причинах — о неприспособленности в то время славянского языка в точности передавать текст подлинника с присущими ему отвлеченными понятиями и терминами. Для этого нужно было создавать соответствующий словарь, так как славянский язык в ту пору даже в своей литературной разновидности пока еще не располагал той философской терминологией, какая встречается в тексте „О правой вере“ („Ἔκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως“), представлявшей собой „завершение развития церковной догматики“[8]. Подобной терминологии в разговорной речи, так же как и в устном поэтическом творчестве, тогдашних славян не существовало. Славянское язычество не нуждалось в словесном оружии для преодоления догматических уловок, так как, видимо, древняя вера славян была и не воинствующей, и не страдающей еретическими расколами. Принимая же християнство, славяне невольно включались в догматические споры между Востоком и Западном (Константинополем и Римом), а также в идеологическую борьбу различных толков христианского мира. При таком положении, чтобы соблюсти „истинную веру“, у переводчиков не оставалось иного пути, как придерживаться текста подлинника как ориентира внутренне (по смыслу) и внешне (по форме), стремясь при этом достичь предельного сходства, какое только возможно при переводе с одного языка на другой. И все-таки, повторяем, это была отнюдь не механическая съемка текста, т.к. к стилистическим приемам развитой византийской риторики и фонетической структуре греческого языка (как известно, некоторые из этих стилистических приемов построены именно на фонетических принципах) приходилось приспособлять фонетику славянского языка, воссоздавать в переводе ритмическую речевую организацию подлинника, сохраняя его смысловую структуру. В какой мере это удавалось им, мы здесь покажем на тексте из „Слово о погребении Господа нашего Исуса Христа. . .“ Епифания Кипрского. Предполагаемая древность славянского перевода этого прозведения дает нам право воспользоваться им здесь в качестве подходящей иллюстрации[9].

с(вѧ)таго єпифанїѣ	ΤΟΥ ’ΕΝ ‘ΑΓΙΟΙΣ ΠΑΤΡΟΣ ‘ΗΜΩΝ
архиепископоу кѵпрьскаго о	’ΕΠΙΦΑΝΙΟΥ ’ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΚΥΠ-
погребєнїи тѣла г(оспод)нѧ . . .	ΡΟΥ ΛΟΓΟΣ εἰς τὴν θεόσωμον
II — „нъ оубо слышї х(рьсто)в(ь)-	ταφὴν τοῦ Κυρίου ἡμῶν ’Ιησοῦ
нѣи мѫцѣ вышънее слово слышї	Χριστοῦ. . .
і вьспоі, слышїи и прославї,	II — „’Αλλὰ γὰρ ἄκουσον τοῦ Χριστοῦ πάθους
	τὸν λόγον

слъıшı н проповѣждь в(о)жїѣ вельѣ чюдеса · како ѕаконъ остжпаетъ, како благодѣть процвѣтаетъ, како образи мимоходатъ, како істнна проповѣдаетъ сѧ, како сѣнь мимоходитъ, како слънце вьселенжіж іспълънѣетъ, како ветъхъı ѕаконъ обетъша, како новъı нзвѣштаетъ сѧ, како древьнѣа прѣдж, како новаа процвнсѧ. . . [10]

ἀνώτερον, ἄκουσον καὶ ὕμνησον, ἄκουσον καὶ δόξασον, ἄκουσον καὶ κήρυξον Θεοῦ μεγάλα θαυμάσια· πῶς ὁ νόμος ὑποχωρεῖ, πῶς ἡ χάρις ἐπανθεῖ, πῶς οἱ τύποι παρέχονται, πῶς ἡ ἀλήθεια κηρύττεται, πῶς αἱ σκιαὶ διαβαίνουσιν, πῶς ὁ ἥλιος τὴν οἰκουμένην πληροῖ, πῶς ἡ παλαιὰ πεπαλαίωται, πῶς ἡ καινὴ βεβαιοῦται, πῶς τὰ ἀρχαῖα παρῆλθεν, καὶ πῶς τὰ νέα ἐπήνθησεν. . .“[10a]

В силу различия в языковых структурах славянскому переводчику не удалось добиться тех же звуковых эффектов в формах повелительного наклонения, как это представлено в греческом тексте; все-таки нельзя отрицать того, что и в славянском тексте достигнута определенная звуковая симфония, а в предложениях, начинающихся анафорическим КАКО имеем почти столько же гомеотелевтов, сколько их и в грехечском подлиннике. Однако, стремление переводчиков до предела сохранить верность подлиннику иногда оборачивалась в ущерб славянскому грамматико-семантическому строю языка. Это подтверждает и следующий отрьвок из „Учений и прений к жидом“ Кирилла Ерусалимского:

кѵрила архиеп(и)с)коѵ)па іер(оѵ) — с(а)лимьска оучениіа и пьрѣниѣ къ жидомъ йі.

V. — „что оубо, рєчєть кто · погыбохомь ли: грѣхъ ліютъ н нѣстъ сп(а)сенніа · подахомъ н нѣсть въстатн· осльпьноухомъ н нѣсть прозрѣтн·хромн быхомъ н нѣсть цѣлоноговатн· н да въ кратьцѣ рєчемъ, оумрѣхомъ н нѣсть ожнтн . . .“[11]

ΤΟΥ ΈΝ ἉΓΙΟΙΣ ΠΑΤΡΟΣ ἩΜΩΝ ΚΥΡΙΛΛΟΥ ἈΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΙΕΡΟΣΑΛΥΜΩΝ ΚΑΤΗΧΣΙΣ

V — „Τί οὖν; ἐρεῖ τις·ἀπολώλαμεν; Ἡ ἁμαρτία δεινὸν καὶ οὐκ ἔστιν σωτηρία; πεπτώκαμεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀναστῆναι; ἐτυφλώθημεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀναβλέψαι; χωλοὶ γεγόναμεν καὶ οὐκ ἔστιν ἀρτιποδῆσαι; ἵνα δὲ συντόμως εἴπωμεν, ἀπεθάνουμεν·οὐκ ἔστιν ἀναστῆναι. . .“[11a]

А. Вайан указывает на очень большую древность этого перевода[12]. Мы здесь обращаем вминание на оборот нѣстъ в сочетании с инфинитивом в значении „*нельзя, немыслимо, невозможно*“, являющийся синтаксической калькой и довольно таки редко встречающийся в древних славянских рукописях[13], где этот оборот переводится как нє льзѣ. Чтобы перевести глагол ἀρτιποδῆσαι или ὀρθοποδῆσαι переводчик создал лексическую кальку цѣлоноговати[14], и в этих его новообразованиях следует видеть не что иное, как стремление обогатить синонимами славянскую литературную речь. Другое дело, в какой мере подобное творчество оказалось удачным. Аналогичные явления, однако, не ограничены рамками раннего периода славянской письменности и, как известно, они имели место в истории образования современных литературных славянских языков в XVIII—XIX вв. под воздействием западно-европейских языков, в первую очередь — французского.

В своем исследовании „Слова на Преображение“ Иоанна Экзарха Д. Иванова-Мирчева провела тщательный текстологический анализ и указала, какие части этого сочинения является собственно Экзарховым оригиналь-

ным текстом, и что в нем перевод текста Ефрема Сирина и Иоанна Златоустого или сокращенным их пересказом[15]. Это дает нам возможность на одном и том же произведении проследить на основании сопоставительного стилистического анализа трех видов текста процесс овладения автором стилистическими приемами византийского риторического искусства, от переводе к пересказу до оригинального словесного творчества. Ввиду того что в переводных частях текста автор пользовался тропами и фигурами подлинника, при нашем разборе мы не будем обращать внимание на эту сторону, а лишь займемся ритмической организацией и звуковой гармоничностью примеров, которые будем приводить. Сначала приведем текст-перевод одноименного сочинения Ефрема Сирина, находящийся в Сборнике Германа (1359 г.) на л. 241а 13—20 и 241б 1—5. Учитывая время, в которое Иоанн Экзарх написал свое сочинение, в целях же большей точности разбора и вящей наглядности, мы допускаем себе свободу восстановить правописание и ударения классического периода старославянского языка, какие могли быть действительными в эпоху Иоанна Экзарха.

1 „сѫ́тъ е́терн ѿ стоѩ́щихъ сьдѣ́,	Х́ x Х́ x x x x Х́ x x x Х́
2 ѝже не имѫ́тъ въкоу̀сѝти съмрѣ́ти	Х́ x x x Х́ x x x Х́ x x Х́ x
3 до́нъдеже ви́дѧтъ сы́на человѣ́чѧ	Х́ x x x x Х́ x x Х́ x x Х́ x
4 гр҃ѧдѫ́щааго въ сла́вѣ своие́н.	x Х́ x x x x Х́ x x Х́
5 та́че по шести́ дн҃ь поѩ́тъ си́мона петра́	Х́ x x x Х́ Х́ x x Х́ x Х́ x x x Х́
6 и ѩ́кова и ѡа́нна бра́та его́	x Х́ x x x x Х́ x Х́ x x Х́
7 ти възведе ѩ на́ горѫ́ высокѫ́ сѣло́	x Х́ x x x Х́ x x x x Х́ x Х́
8 и прѣобрази́ сѧ прѣдъ ни́ми.	x x x x Х́ x x x Х́ x
9 лице́ его́ възсия́ ѩко и слн҃це	x Х́ x Х́ x x Х́ x Х́ x Х́ x x
10 и ри́зы его бы́ша бѣлы́ ѩко и свѣ́тъ.	
11 мѫ́жа́ бо ѩже мѣни́тъ	x Х́ x x x Х́ x x Х́ x Х́ x Х́ x
12 ѩ́ко не имѫ́тъ въкоу̀сѝти съмрѣ́ти	x Х́ x Х́ x x Х́ x
13 до́нъдеже ви́дѧтъ сла́вѫ прихо́дьнѫ́ю	Х́ x x x Х́ x x x Х́ x x Х́ x
его́ . . .“	Х́ x x x Х́ x x Х́ x x Х́ x x x x Х́

На основании логического членения текста мы разбили его на 13 отрезков, представляющих собой члены („кола“) риторических колонов. Распределение иктусов (словесных ударений) соответствует закономерностям славянской акцентологии, действовавшим до падения редуцированных гласных[16]. Из этого вытекает, что в тексте, в том его виде, как он передается нами здесь, восстановлены слабые редуцированные и там, где они не встречаются в более поздних списках (в частности — и в Сборнике Германа); „слабый“ ъ̀ не восстановлен только в написании предлога ѿ (вместо отъ) и приставок на -з (въ̀зведе, вѫ́зсия́). Былые же подударные ъ и ь в конце слова, хотя ко времени Иоанна Экзарха уже могли ослабеть до той меры, что передали свое ударение предшествующему слогу, в силу чего на последнем возникла новоакутовая метатония, для данного периода мы считаем все еще действительными фонемами и отмечаем на письме, расценивая их (как и все редуцированные „слабые“) слогообразующими. Слово ѩко, встречающееся в нашем отрывке, в зависимости от его функции в тексте получает различную акцентовку: а) когда оно выступает в роли наречия, ударение у него на конечном слоге; б) в функции союзного слова оно получает ударение на начальном слоге, но если оно выступает в

сочетании с частицей же, ударение сохраняется на о (нако́же)[17]. В некоторых случаях личные местоимения 3 л., выступающие в функции дополнения или определения, лишены словестного ударения, если их значение не подчеркивается. Такие дополнения и определения скорее являются только грамматическими элементами, чем коммуникативными членами предложения[18]. Приведенные здесь указания действительны и для тех отрывков, которые в качестве примеров будут приведены в дальнейшем изложении.

Если обратим внимание на клаузулы, то увидим, что восемь из них имеют свои пары или же повторяются по нескольку раз. Так, например, клаузула I-го члена (**X́ x x x X́**) встречается и в 5-м, а клаузула 6-го члена (**X́ x x X́**) повторяет клаузулу 4-го; клаузула же 2-го члена встречается еще три раза (в 3-м, 11-м и 12-м членах — **X́ x x X́ x**). Без своих пар остаются лишь клаузулы: 7-го, 8-го, 9-го, 10-го и 13-го членов (**X́ x X́, X́ x x x X́ x, X́ x X́ x x, X́ x X́ x** и **X́ x x x x X́**). Но это отнюдь не значить, что в дельнейшем тексте (как и до начала нашего отрывка) и эти „одинокие" клаузулы не встречются вообще. Так, например, в продолжении на л. 241 б 5—6; „то сѧ н вѣхъ апо́столн ѡ дъвою на де́сате" — повторяет клаузулу 9-го члена нашего отрывка. Первые три члена содержат равное количесто иктусов каждый (4), а в 4-м их всего 3; в 5-м члене — 5 иктусов; в 6-м и 7-м членах снова по 4 иктуса, а в 8-м их всего лишь 2; члены 9-ый и 12-ый имеют по 4 иктуса, а 10-ый и 13-ый — по 5 иктусов и 11-ый — 3 (как и 4-ый член). Хотя здесь речь идет об ораторской прозе, а не о поэзии, нельзя сказать, что переводчик не достиг определенной ритмической организации текста в славянской его модификации.

Как ни кажутся нам надуманными положения символистов, стремившихся выразить „языком видимого мира" „сверхчувственное" и связывать со звуками определенные ассоциации, все-таки нельзя отрицать возможности, что звуковой состав слов, означающих конкретные явления (для каждого языка по-своему), вызывает, и вне этих слов, в нашем воображении ряд представлений, связанных со значением „опорного" слова. Для средневековой литературы это очень важно не забывать, так как, по словам В. В. Бычкова. „Понятие „образ" наряду со „словом" играло очень важную роль в византийской философско-религиозной системе. Ибо слово и образ являлись, в понимании византийцев, определенными (материализованными) хотя и не тождественными (между собой) субстанциями, в которых запечетлевается, сохраняется и передается на уровне эмпирического бытия божественное откровение, священное предание"[19]. Примечательно то, что по терминологии Псевдо-Дионисия, передача подобной информации носит название „φωτοδοσία" (светодарение), т.е. „божественное озарение". По учению того же Псевдо-Дионисия, и „многие свойства огня является чувственными (видимыми) образами (ὁρατοῦς εἰκόνας) божественных свойств"[20]. Вот почему и в гомилетических текстах славянских древних авторов при описании определенных ситуаций преобладают звуки, входящие в состав слов: свѣтъ, свьтѣти сѧ, заря, зарити, озарѧти, блистати, бльстѣти, блѣскъ, бльснѫти. Эти звуки, по удачному определению Н. А. Мещерского, создают „симфонию света"[21]. При изборе звукового состава отдельных членов нашего отрывка, их ассонансов и аллитераций, мы учтем эту характеристику. Наш разбор начнем с аллитерации.

Если лигатурное щ, встречающееся в отрывке дважды (в 1-м и 4-м членах) посчитаем как два звука (шт), в нашем тексте будет 165 согласных звуков. Среди них чаще всего встречается звук (т) — 22 раза или 14,19 %; по частотности за ним следуют: (с) — 18 раз или 10,90 %, (в) — 15 раз или 9,09 %, (j) — 14 раз или 8,48 %; согласные (д), (н) и (р) встречается по 12

раз или 7,27 % каждый, (м) — 10 раз или 6,06 %; частотность ниже десяти у согласных (л) и (к) — по 7 раз или 4,24 %; (п) — 6 раз или 3,63 %; (б) и (ж) — по 5 раз или 3,03 %, (г) и (ш) — по 4 раза или 2,42 %, (з) и (ч) — по 3 раза или 1,81 %, (х) и (ц) — по 2 раза или 1,21 %; африката „зѣло“ (s) и смягченное (н') встречаются всего лишь по одному разу (0,60 %). Примечательно, что в первом члене отрывка согласный (т) преобладает, чередуясь почти через слог 5 раз; в начале имеем пару (с) — (т), которой противопоставлена в конце члена пара по звонкости (с) > (з) — (д). Достаточно даже беглого взгляда для того, чтобы убедиться в ритмическом чередовании согласных в любом из последующих членов отрывка. Подобная ситуация наблюдается и в отношении гласных в отрывке. Для наглядности мы их представим в порядке, в каком они чередуются в каждом из отдельных членов: ѫ-ъ-є-е-и-о-о-ѩ-и-ъ-ь-є / и -є-е-и-ѫ-ъ-ѹ-и-и-ъ-ь-и / о-ъ-е-е-и-ѧ-ъ-ы-а-о-ѣ-а(ѣ) / ѧ-ѫ-а-о-ъ-а-о-е / а-е-о-е-и-ь-ь-о-ѩ-ъ-и-о-а-е-а / и-а-о-а-и-о-а-а-а-а-е-о / и-ъ-е-е-ѩ-а-о-ѫ-ы-о-ѫ-ѣ-о / и-ѣ-о-а-и-ѧ-ѣ-ъ-и-и / и-е-е-ѹ-ъ-и-ѩ-ѩ-о-и-ъ-ь-е / и-и-ы-е-о-ы-ѧ-ѣ-ы-ѩ-о-и-ѣ-ъ / ѫ-ѧ-о-ѩ-е-ѣ-и-ъ / ѩ-о-е-и-ѫ-ъ-ъ-ѹ-и-и-ъ-ь-и / о-ъ-е-е-и-ѧ-ы-и-о-ь-ѫ-ѭ-е-ѹ//

И так, в открывке всего 161 гласных, из которых 94 относятся к переднему ряду, а 57 к непереднему, т.е. 58,38 % : 35,40 %. Самым частотным является в нашем тексте гласный (и), встречающийся 29 раз или 18,012 %; за ним следуют по частотности (е) и (о) — каждый по 23 раза (14,285 %); сравнительно высокой частотностью отличаются также гласные: (а) в чистом и в преиотированном виде встречающийся 20 раз (12,42 %) и (ъ) — 19 раз (11,80 %); гласный (ѣ) встречается 8 раз (4,96 %), (ѫ) вместе с ѭ, (ѧ) вместе с ѩ, а также (ь) встречаются по 7 раз (4,31 %); гласные (у) и (ы) лишь 4 раза каждый (3,10 %).

Небезынтересно отметить, что эти гласные нередко в порядке своей очередности противопоставлены друг другу либо по ряду, либо по подъему. Так в I-м члене первая пара гласных (непереднего ряда) противопоставлена очередной паре гласных передних: ѫ-ъ : є-е; следующий передний и противопоставлен очередной паре непередних о-о, за которыми следуют передние ѩ-и; в следующей паре противопоставлены по ряду два редуцированных ъ-ь; замыкающий же гласный переднего ряда є противопоставлен первому в члене гласному непереднего ряда ѫ и т.д.

Аллитерации и ассонансы, встрещающиеся в нашем отрывке, разумеется, обусловлены и самой структурой славянского языка, так что мы отнюдь не собираемся всю мелодическую стройность текста относить к мастерству автора-переводчика. Однако, с нашей стороны было бы несправедливо не признавать также, что здесь и немалая заслуга Иоанна Экзарха, приступившего к своему труду умело и с полной ответственностью. Он прилагал все усилия, чтобы неприглядная до тех пор славянская речь „воссияла во всей своей красоте“ и для тех, кто к ней относился пренебрежительно.

Теперь обратимся к тексту на л. 241б 5—20 и на л. 242а 1—3, содержащему сокращенный пересказ того, что сказано в соответствующем Слове Ефрема Сирина[22].

1 то сѝ н бѣхѫ апо́столн ѿ дъвою́ на́ десѧте[23]	
	x X x X x x X x x x x x X X x x x
2 ѩ́же н поѝмъ въ́зведе на́ горѫ	X x x x X x X x x X x x
3 въ́зведе же ѩ́ хота́ нмъ показа́тн	X x x x X x X x x x x X x
4 кѣто́ есть сы́нъ сы́н ума́н лн.	x X x x X x X x X (x) x

5 егда́ бо ѩ въпраша́аше рекы́: x X́ x x x x X́ x x x X́
6 кого́ ма глаго́латъ уловѣ́цн сы́на уловѣ́ун;
x X́ x x X́ x x x X́ x X́ x x X́ x
7 глаго́лааша емоу́: x X́ x x x x X́
8 „wви́ нли́ж а дроу́знн иереми́ж x X́ x X́ x x X́ x x x x X́ x
9 и́ли едино́ѿ проро́къ.“ X́ x x X́ x x x x X́ x[24]
10 сего́ ради възведе ѩ на́ горж x X́ x x X́ x x x X́ x x
11 н показа́ нмъ я́ко не́стъ нли́ня нъ бо́гъ нли́ннъ
x x x X́ x x X́ x X́ x x X́ x x X́ x x X́ x x
12 и́же бѣ́ н иереми́ж wсвати́лъ въ жтро́бѣ ма́терьнн
X́ x X́ x x x X́ x x x X́ x x x X́ x X́ x x x
13 нн едино́ѿ проро́къ нж господь проро́чьскъ
x x X́ x x x X́ x x x X́ x x X́ x x
14 и́же н посъла́ ѩ н па́кы показа́ нмъ
X́ x x x x X́ x x X́ x x x X́ x x
15 ѩко́же е́сть тровѣ́ць зе́мли н не́бесн
x X́ x x X́ x X́ x X́ x x X́ x x
16 н сѣ́ естъ влады́ка жнвы́нхъ н мрѣ́твынхъ.
x X́ x x x X́ x x X́ x x x X́ x x x
17 повеле́ бо въшьдъшемоу я́ко на́ небо нли́н съннти́
x x X́ x x X́ x x x X́ x X́ x x x X́ x x x X́
18 н оумрѣ́шемѕ мwvсе́ю въскрѣ́снжтн нз мрѣ́твынхъ.
x x X́ x x x X́ x x X́ x x x X́ x x x
19 н въ́зведе ѩ на́ горж да пока́жетъ нмъ
x X́ x x x X́ x x x x X́ x x x x
20 я́ко сы́нъ е́сть бо́жнн.
X́ x X́ x X́ x X́ x

В данном отрывке чаще всего встречается дидактилическая клаузула (см. члены; 2-й, 11-й, 13-й, 15-й), нередко встречающаяся у византийских церковных ораторов (ср., например, „Слово на Рождество“ Софрония Иерусалимского[25]). При возможном стяжении гласных в формах живы́ихъ > живы́хъ и мрѣ́твынхъ > мрѣ́твыхъ в 16-м члене настоящего отрывка получилась бы также дидактилическая клаузула, в такое стяжение было вполне возможно в потоке речи. В членах 3-м и 8-м представлена клаузула, состоящая из кретика в последующим дихореем (cursus velox); в 5-м и 17-м членах „мужская клаузула“ (дактиль с ямбом), а в 10-м, 14-м членах клаузула, состоящая из пеона с дактилем. Остальные 8 членов оканчваиаются клаузулами, не имеющими своих пар в отрывке. Правда, в членах 16-м и 18-м возможны клаузулы из двойных дактилей (при стяжении гласных) как и клаузулы с двойным пеоном[1]. В первом члене отрывка встречается необычная для средневековой прозы клаузула с гипердактилем после ударного слога (т.е. без промежуточных безударных слогов); в 6-м члене — адонейская клаузула (дактиль с хореем); в 7-м — клаузула из дактиля с анапестом; в 9-м — клаузула из пеона[1] с хореем; в 12-м клаузула из хорея с дактилем; в 19-м члене необыкновенная клаузула с четырмя безударными слогами после ударного. Если допустим ударность на косвенном дополнении нмъ, то в конце получится „. . . пока́жетъ и́мъ“ (x X́ x x X́ x), т.е. адонейская клаузула, с которой мы уже встретились в 6-м члене. В 20-м члене дихорейская (дитрохейская) клаузула.

Как уже упоминалось выше, клаузулы из отрывка-перевода повторяются в тексте-пересказе. Так клаузуле 5-го члена текста-пересказа соответствуют клаузулы 1-го и 5-го членов текста-перевода и т.д., о чем

можно легко убедиться при сличении просодических схем этих двух текстов.Это способствует не только общей ритмической организации текста Слова Иоанна Экзарха, но и его единству, формальной целостности. Если же обратимся к их аллитерациям и ассонансам отрывка „пересказа“, то перед нами предстанет следующая картина, мало чем отличающаяся от той, которую дал нам разбор текста-перевода. Здесь ограничимся первыми двумя колонами (члены 1-й по 4-й); гласные в них чередуются в следующем порядке: о-и-и-ѣ-ѫ-а-о-о-и-о-ъ-о-ю-а-е-ѧ-е / ѣѧ-е-и-о-е-ъ-ъ-е-е-а-о-ѫ / ъ-е-е-е-ѣѧ-о-ѧ-и-ъ-о-а-а-и / ъ-о-е-ъ-ы-ь-и-и-и //

Как видно, снова налицо те же противопоставления по ряду, в частности в начале и в конце каждого из членов (о:е; ѣѧ:ѫ, ъ:и).

В тех же колонах цепь чередующихся согласных выглядит так: т-с-б-х-п-ст-л-т-д-в-j-н-д-с-т / j-ж-п-м-в-з-в-д-н-г-р / в-з-в-д-ж-j-х-т-м-п-к-з-т/ к-т-j-ст-с-н-с-j-ч-j-л //

И тут у согласного (т) наибольшая частотность: он встречается 8 раз (15,38 %); следующие по частотности (j) и (с), встречающиеся по 6 раз каждый (11,53 %); (в) — 5 раз (9,61 %); (д) — 4 раза (7,69 %); (п), (н) и (з) по 3 раза каждый (5,76 %); (ж), (к), (л), (м) и (х) — по 2 раза каждый (3,84 %), а (б), (г), (р) и (ч) встречаются всего лишь по одному разу (1,93 %). Характерно для 1-го члена, что согласные (т) и (с) встречаются три раза рядом и только раз (т) между (л) и (д). Во 2-м члене нет подобной ритмической организации согласных, но уже в 3-м члене (в первой его части) чередуется (в) с зубными (д) и (з), после чего следует пара палатальных (ж) и (j), во второй же его части следуют пары с согласным (т), резделенные промежду точной парой (п-к). В 4-м члене, содержащем 12 согласных фонем, (с) встречается 3 раза (25 %) и столько же раз (j); (т) — 2 раза (16,66 %), а (к), (л), (н) и (ч) по одному разу (8,33 %). При наличии в этом члене 55,55 % гласных переднего ряда получается полная „симфония света“, соответствующая содержанию текста, относящегося к Христу. Четвертому члену нашего отрывка, являющемуся вопросом, соотносены члены 15-й и 16-й, в которых дан прямой ответ. В этих же членах самыми частотными также является согласные (с), (т) и (в), встречающиеся по 4 раза (12,15 %), (j) — 3 раза (9,37 %). В обоих, вместе взятых, членах преобладают гласные переднего ряда над гласными заднего ряда в соотношении 17:10, (62,96 % : 37,03 %). Здесь самые частотные гласные — (е) и (и), встречающиеся по 6 раз (22,22 %); (ь) встречается 4 раза (14,81 %), (ъ) и (ы) — по 3 раза (11,11 %), (а) и (о) — по 2 раза (7,40 %); 1 раз встречается (а) переднее (прейотированное — ѣ) или 3,70 %.

Здесь необходимо указать на факт, что текст-пересказ Иоанну Экзарху мог быть подсказанным не только сочинением Ефрема Сирина, но и текстом библейских книг, в частотности: Лк. IX, 18—19; Мф. XVI, 13—14; Мр. VIII, 27—28; Лк. IX, 27;[26] ср. также Лк. IX, 1—3; Мр. XVII 1—2; Книга пророка Иеремии 1,5. В отрывке-пересказе текста Ефрема Сирина — находящемся на л. 243а 9—15 Сборника Германа — изложено содержание ветхозаветной книги „Исход“ XXXIII, 20—23 и XXXV, 34—35, которое Иоанну Экзарху было известно и помимо Ефрема Сирина, так как он был высокообразованным теологом.

Ниже приводим отрывок „Слова на Преображение“, являющийся переводом одноименного сочинения Иоанна Златоуста. Этот текст занимает чуть более 35 строк на лл. 244б и 245а. Мы здесь в качестве иллюстрации приведем только 10 строк [л. 244б I—II]:

1 такѡ́ бѡ и пр҃ѣмр҃дрꙋн лоꙋка́ ѡ҃вѣ́тъ даѣ́тъ за́ нь

х х́ х х х х́ х х х́ х х́ х х х́ х х́ х

2 рекъı·не вѣдъı ѹıтѡ глагѡлетъ.
x X x X x x X x X x x
3 нж тъı, врьхѡвьнъıн апѡстоле,
x X x X x x x X x x
4 почьтѡ тацѣмн помъıслъı глагѡлешн
x x X x X x x X x x X x x
5 н нѵзнш божьствьнъıн строн;
x X x x x X x x X
6 тѵ́ трн[27] храмъı сътворѵ́тн хощешн въ поустъınн
X x X x x x X x X x x x x X x
7 тн равьна́ творѵ́шн владъıкж съ рабома́
x x x X x X x x X x x x x X
8 да единѵ́ж христоу́ сѣнь н wнѣма равьнѣ́.
x x X x x X X x x X x x x X
9 н е́сть ли w сватаа́го доу́ха прнѧ́лъ са мwусѵ́
x X x x x x X x x X x x X x x x X
10 ѵ́ли w дѣвъı са родѵ́лъ
X x x X x x x X x
11 ѣкоже сѣ w прѣсватъıѣ дѣвъı марнѣ;
x X x X x x x X x X x x X x

Семнадцатисложный первый член отрывка по существу можно было бы разделить на две части на месте цезуры после слова лоукá, и таким образом вместе члена с шестью иктусами получить два исоколона с тремя иктусами в каждом из них и клаузулой у первого из них тождественной с клаузулой 5-го члена, т.е. **X́ x x X́** (хориямб). Во 2-м исоколоне была бы хорейская (дитрохейская) клаузула, та же из I-го нашего члена отрывка. В приведенном же отрывке повторяются клаузулы еще только в 8-м и 9-м членах (дактиль с ямбом) — **X́ x x x X́.** Остальные члены отрывка, хотя и остаются без своих клаузульных пар, повторяются в контексте всего „Слова на Преображение“, в чем можно убедиться, сопоставив их хотя бы с членами приведенных выше отрывков. Анализ ассонансов и аллитераций здесь покажет примерно ту же картину, какая была в предшествующих текстах. Все это убедительно говорить о том, что Иоанн Экзарх не только вдумчиво переводил смысль византийских текстов, но и умело приспособливал славянскую речь своих переводов правилам византийской риторической прозы. Это и был тот процесс трансплантации византийской культуры, о котором говорит Д. С. Лихачев: „Явления пересаживаются, трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах“[28].

Переходя к анализу оригинальных частей „Слова на Преображение“, предупреждаем, что по вполне понятным причинам не сможем привести весь текст. Однако и здесь будет достаточно нескольких отрывок, на которых мы попытаемся указать на главные их характеристики. В качестве примера начнем с начала „Слова“ [л. 240б 1—19]:

1 бо́гъ чловѣка прѣвааго сътво́рн н въ ра́н въ́веде.
X́ x x X́ x X́ x x x x X́ x x x X́ X́ x x
2 и сѫщоу емоу́ въ нѣмъ завѣтъ да́стъ·
x X́ x x X́ x X́ x x X́ x X́ x
3 ѣкоже съблюдъшоу емоу́ жѵ́знь прнѧ́тн бесконе́чьнжж
x X́ x x X́ x x x X́ X́ x x X́ x x x X́ x x x
4 а прѣстѫпльшоу съмрѣ́тнж оумрѣ́тн.
x x X́ x x x X́ x x x X́ x
5 семоу́ же прѣстѫпрьшоу прѣльстнж сwтонѵ́ноѫж
x X x x X x x X́ x x x x x X́ x x

6 бы́стъ нзгна́нне и съмрь́ть подъ҃а́тн

Х́ x x Х́ x x x x Х́ x x x Х́ x

7 и въ тле́нне лю́то въ҃нтн́.

x x Х́ x x Х́ x x x Х́

8 тако́ же семоу́ бы́въшоу тре́бъ бы́стъ водь́ць без грѣха́

x Х́ x x Х́ Х́ x x Х́ x Х́ x x Х́ x x x Х́

9 и́же мо́жетъ възвратн́въ чьстьнъ́ымь пѫтьмь чловѣ́че пле́ма

Х́ x Х́ x x x x Х́ x x x Х́ x x Х́ x x Х́ x Х́ x

10 въ мѣ́сто поро́дьное па́кы въвестн́.

x Х́ x x Х́ x x x Х́ x x x Х́

11 поне́же не бы́стъ тако́го въ ро́дѣ се́мъ

x Х́ x x Х́ x x Х́ x x Х́ x Х́ x

12 то тѣ́мь са́мъ госпо́дь бо́гъ милосрь́дъын

x Х́ x Х́ x x Х́ x Х́ x x x Х́ x

13 любо́внѭ вели́коѭ въпла́щь са

x Х́ x x x Х́ x x x Х́ x x

14 н зьда́нне прни́мъ на́шего естьства́

x x Х́ x x x Х́ x Х́ x x x x Х́

15 нзволе́ннемь ѡ҃чемь.

x x Х́ x x x Х́ (x) x x

16 да ꙗко́же н па́вьлъ глаго́летъ рекы́·

x x Х́ x x Х́ x x x Х́ x x x Х́

17 пѫ́ть намъ ѡбъновн́ть но́въ.

Х́ x Х́ x x x x Х́ x Х́ x

В четырех русских списках для 5-го члена нашего отрывка дан иной порядок слов, а именно: „семоу́ жь пр҃е́лестью сатанн́ною пр҃естоу́пльшоу“ [списки: Б, В, ОЛ и У][29], из-за чего меняется ритмическая схема члена и его клаузула: x Х́ x Х́ x x x x x Х́ x x x Х́ x x (в клаузуле пеон[1] + дактиль). Д. Иванова-Мирчева указывает на логичность и качественность Вильненского списка /В/[30] для текстологического разбора, что наводит на мысль о его большей близости к протографу. Во всяком случае приведенный выше порядок слов усугубляет ритмичность нашего текста, т.к. клаузула 5-го члена может быть тождественной с клаузулой 13-го и 15-го членов, если в последнем допустим синкопу в слове о҃т (ь) чемь. Кроме того, тождественны клаузулы: 2-го, 9-го, 11-го и 17-го членов (дихорейские — **Х́ x Х́ x**); 4-го, 6-го и 12-го (дактиль+амфибрахий — **Х́ x x x Х́ x**); 7-го, 8-го, 10-го и 16-го (дактиль+ямб — **Х́ x x x Х́**). Особо следует оговорить порядок слов 8-го члена по списку Сборника Германа, которому в русских списках соответствует: „семоу́ же тако́ бы́въшоу“; исходя из сопоставления *мо́лодо:молодое=х: тако́е,* видимо, следует для русского (древнего) предположить начальное ударение: *та́ко,* что̀ и подтверждается современным *так.* Благодаря этому устраняется смежность иктусов, наблюдаемую в германском тексте; совр. болгарское ударение в наречии *така̀* и схр. *та̀ко* указывает на южнослав. наконечное ударение.

Иоанн Экзарх начинает свое Слово краткими предложениями, в которых излагает сотворение первого человека и его дальнейшую̀ судьбу. Условие, чтобы остаться вечно в раю или быть изгнанным и принять смерть, выражено не придаточными условными предложениями, а коротко — оборотом дательного самостоятельного. Предельной краткости изложения ветхозаветной легенды соответствуют и клаузулы, в которых чередуются дактили с хореями (пеон также — вид хорея). Но поскольку Адам не исполнил принятого им „завета“, последовала и страшная кара; последний [7-й] член, повествующий об этом, заканчивается клаузулой, состоящей из дактиля с ямбом.

Первый член можно было бы разделить на две части, представляющие

собой два парисона, если второе сказуемое не было бы однородным членом. Во всяком случае после сътвóрн наступает разделяющая пауза (цезура), благодаря которой предложение не кажется громоздким. Препозиция прямого дополнения чловѣка прѣвааго нарушает грамматический порядок слов и тем самим подчеркивает значение дополнения, его весомость. Само же дополнение является перифразом для имени праотца Адама. И этот стилистический прием построен не просто на замене собственного имени описательным оборотом, но и при помощи постпозиции определения, выступающего почти самостоятельным коммуникативным членом, подчеркнутым логически. Члены 3-й и 4-й построены в виде антитезы съблюдъшоу : прѣстѫпльшоу — жи́знь прнѧ́тн : съмрѣ́тнѫ умрѣ́тн. При этом функция дательного причастий с местоимениями емоу́ и семоу́ по своему значению не ограничивается рамками оборота дательного самостоятельного, заменяющего условное придаточное: этот же дательный падеж выступает также членом оборота с инфинитивом, выражающего неминуемость действия. Плеонастическое словосочетание съмрѣ́тнѫ оумрѣ́тн может показаться современному читателю промахом нашего автора, однако, помимо того что здесь имеем парономасию, обычную в произведениях средневековых авторов, следует не забывать, что и у современных авторов встречается подобная фигура [ср. у Г. Шенгели: „Предо мною волна, *закипевшая кипенью* белой“][31].

Небезынтересно также будет остановиться на определениях, с которыми встречаемся в данном отрывке Слова. Кроме уже приведенных, имеются еще: „прѣ́льстнѫ сотонѝноѫ“, „мѣ́сто порóдьное“, „любóвнѫ велѝкоѫ“, „въ рóдѣ сéмь“, „госпóдь бóгъ млосрѣ́дын“, „нзволéннемь wчемь“, „жи́знь . . . бесконѣ́чьнжѫ“, „пѫть. . . нóвъ“. Можно ли на основании такого множества постпозитивных определений полагать, что Иоанну Экзарху присуща особая склонность к постпозиции? Или это следует объяснять другими причинами? Если бы в нашем тексте не встречались и препозитивные определения, можно было бы положительно ответить на первый вопрос. Однако, примеры: чьстьнꙋ́мь пѫтѣ́мь, чловѣ́че плéмѧ, нáшего естьства говорят о семантической функции порядка слов в предложении, соблюдаемого Иоанном Экзархом сообразно с коммуникативной значимостью синтаксических членов. Иоанн Экзарх пользуется постпозицией определения, когда нужно подчеркнуть его значимость; в таком случае определение получает характер предикативности или даже заменяет обособленное определительное придаточное предложение. Так, например: госпóдь бóгъ млосрѣ́дын равнозначно госпóдь бóгъ нже éсть млосрѣ́дын. Такие постпозитивные определения, находясь в косвенных падежах, хотя и сохраняют согласованность с определяемым словом, разрушают единство словосочетания, что в очередь отражается на мелодике предложения, возникающая же пауза между определяемым и определением расчленяет до некоторой степени единое понятие. Это нарушение единства словосочетания с еще большей наглядностью в дистантных сочетаниях определяемого с постпозитивным определением: жи́знь прнѧти бесконѣ́чьнжѫ, т.к. здесь налицо и формальный разрыв единства. Примеры же препозитивного сочетания определения с определяемым представляют собой устойчивые понятия с нераздельным единством, а в предложении выступают единым коммуникативным членом, представляющим собой второй член синони́мических пар, как-то: чьстьнꙋ́н пѫ́тв — богобоя́зньство, чловѣ́че плéмѧ — лю́дне. Немного иначе обстоит с определением, выраженным притяжательным местоимением: проведенный анализ древнерусских произведений (оригинальных и переводных) указал на преобладающую частотность

постпозиции такого определения над препозицией[32]. Это говорит, безусловно, о меньшей коммуникативной значимости определения-притяж. местоимения в постпозиции. Поэтому и в словосочетании на́шего ѥстьства́ в большей мере подчеркивается определение, имплицитно противопоставленное определению бо҃жьствьное, бо́жье. Для сопоставления обратимся к тексту-переводу из Иоанна Златоуста (см. выше), где преобладают прилагательные-определения в препозиции: пр҃ѣмр҃дрꙑн поукá, бо҃жьствьнꙑн строи́, сватáго дохо́, представляющие собой *данные*, а не *новые*, а потому нет нужды подчеркивать их коммуникативную значимость инверсией, равно как и в словосочетании тацѣ́мн помы́слы. Зато: врьхо́вьнꙑн апо́столе и пр҃ѣсватꙑ́ѩ дѣ́вы являются нераздельными понятиями — синонимами (апостол Петр и Богородица). В том же отрывке стоит обратить внимание на порядок слов в членах 7-м и 8-м, где в сочетании с полузнаменательным глаголом твори́тн прилагательное-дополнение находится в препозиции: равьна́ твори́шн влады́кр҃ съ рабома́. Вынесение прилагательного-дополнения в начало предложения, а также его дистантность от существительного (прямого дополнения) подчеркивает его коммуникативную значимость. В последующем же члене то же прилагательное (в той же функции — в обороте двойного вин.) размещено постпозитивно. Однако и здесь форма равьнѣ́ не лишена экспрессивности, т.к. рядом с прилагательным отсуствует определяемое существительное сѣ́нн, опущенное как подразумевающееся; это своего рода антиципация, хотя и не в полном ее смысле.

Эпизод, представленный в отрывке-перевода текста Иоанна Златоуста, Иоанн Экзарх передает и в своем „Слове на Вознесение“:

1 тр҃гда́ пе́тр҃ъ дрьзоу́ѭ глагóлааше·	x X́ X́ x x **X́** **x** **x** **X́** **x** **x** **x**
2 го́сподн добро́ е́стъ на́мъ сьде́ бы́тн	X́ x x x X́ X́ x X́ x x **X́** **X́** **x**
3 сътвори́мъ сьде́ три́ жнли́ща·	x x X́ x x X́ **X́** **x** **X́** **x**
4 тебѣ́ еди́но н монси́н еди́но·	x X́ x X́ x x x **X́** **x** **x** **X́** **x**
5 н нли́н еди́но·[33]	x x **X́** **x** **x** **X́** **x**

Если допустим стяжение гласных аа в форме глагóлааше, то в 1-м члене настоящего отрывка получим дактилическую клаузулу; при учете логического ударения во 2-м члене получается чуть измененная просодическая схема: „го́сподн, добро́ есть на́мъ сьде́ бытн“ — X́ x x x X́ x x **X́** **x** **x** **X́** **x** **x**, где снова фигурирует дактилическая клаузула. В таком случае после двух клаузул с дактилями следует клаузула из дитрохея, с двумя последующими адонейскими клаузулами (дактиль+хорей). Это в свою очередь еще раз говорит о способности Иоанна Экзарха ритмически организовать свои тексты. Правда, у него не находим того количества гомеотелевтов, гомеоптотов, парехез и других риторических фигур, присущих сочинениям Климента Охридского. В этом отношении проявляется влияние на Иоанна Экзарха стиля Иоанна Златоуста, о котором С. С. Аверинцев пишет: „Замечательно, однако, что установка на популярность не остановила Иоанна в его следовании канонам аттикизма“[34]. Вот почему и Иоанн Экзарх в своих *словах* стремиться не столько привести слушателей (читателей) в состояние религиозной восторженности, сколько желает поучить их, убеждая доводами, чаще всего в виде ссылок на священное писание — по тем временам — самый сильный аргумент. Поэтому у Иоанна Экзарха тщетно будем искать *извития словес*, какое находим у Климента Охридского. И все-таки несправедливо было бы считать, что произведения Иоанна Экзарха лишены образности, что в них ученый богослов совсем

затушевал человека, которому свойственно также лирическое восприятие окружающей его жизни. Правда, лирической экспрессии Иоанн Экзарх нередко отводит всего лишь одно предложение, например: „весели́те сѧ небеса́ и ра́дуитъ сѧ земли́ · поне́же посре́дьнюю сте́ноу прѣгради́въ і҃сусъ“[35]. Лирическими бывают, обыкновенно, вступления, за которыми следует изложение основной темы, которой и посвящается *слово*.

С точки зрения звуковой организации и вступительная часть „Похвалы Иоанну Богослову“ заслуживает нашего внимания. Вот она:

пакы́ намъ прни́де вели́кыи и еди́ныи богосло́вьць нѡа́нъ,	x X x x x X x x X x x x X x x x X x x x X x
пакы́ бо́гъ сло́во, бо́гъ пове́даѥи	x X X x X x X x x X x x
на небеса́ възнра́тн стоѩ	x x x X x x X x x X
нѡа́нъ, вы҃соуѣпара́н wро́лъ,	x X x x x x x X x x X x
нѡа́нъ, вели́кыи тоу́лъ,	x X x x X x X x
не вѣ́дын чьто́ е́сть трои́дъ и́лн поко́н.	x X x x X X x X x X x x X
нѡа́нъ, сы́нъ гро́мьныи,	x X x X x X x x
его́же оучє́нне ѩко́ гро́мъ ѡбътеуе вьсѭ зе́млѭ.	x X x x X x x x X X x X x x x x x X x
пръчи́стыи лѣ́въ, доброгла́сьныи слави́н,	x X x X x x x X x x x X
и́же звнзда́ннемь, ре́къше, пра́вымь оучє́ннемь	X x x X x x x X x x X x x x X x x x
нз пръгы́нь и нз поусты́нь и́зведе уловѣ́кы.	x x X x x x x X x X x x x X x
поустыи́нѭ бо и пръгы́нѭ сѫ́тъ невѣ́рьныхъ срьдьца́	x X x x x x X x X x x X x x x x x X
и скврьна́ѭ нхъ дѣ́ла и тьмьна́ѭ . . .“[36]	x X x x x x X x x X x x x

Из 13 членов приведенного выше отрывка самым многосложным и, следовательно, самым длинным является первый; все-таки мы его не разделили на два исоколона, так как этот член представляет собой законченное логическое целое (двусоставное предложение, хотя и распространенное). Член 12-й (по тексту рукописи № 320 Софийской НБ) гласит: „поустыны бо невѣрне нменѣет сѧ“; если же допустим, что такое разночтение ближе авторскому тексту, то и ритмическая схема этого члена получает иной вид, с клаузулой из двух пеонов, вместо пеона с анапестом. Кроме клаузул 1-го, 2-го и 11-го членов, такое повторение наблюдается также в членах: 3-м и 6-м (хориямб); в остальных членах клаузулы не имеют повторяющихся тождественных пар. Все они являются различными сочетаниями пеонов, дактилей и хореев. Во всем приведенном отрывке преобладают (хоть и с небольшим перевесом) гласные непереднего ряда в соотношении 94 (53,10 %) : 86 (46,89 % передние). Только в 3-м члене имеем равное количество передних и непередних (5:5); в 6-м и 12-м членах незначительный перевес в пользу непередних (7:6 и 9:8), а в 8-м члене этот перевес в пользу передних (10:9); более значительный перевес передних гласных над непередними наблюдается в 10-м (13:5) и в 11-м (10:5) членах. Что касается согласных, то здесь самыми частотными являются фонемы: (н) — 19 раз, (в), (j) и (р) — по 17 раз и (с), встречающаяся 18 раз. Фонемы: (т), (л) и (п) встречаются по 12 раз, а (д) — 10 раз. У всех остальных согласных из этого отрывка частотност ниже 10.

Несмотря на торжественность момента, в которой чествуется память апостола Иоанна Богослова, Иоанн Экзарх не приглашает собравшихся верующих предаваться благочестивым *настроениям,* а как бы предлагает им подумать о значении этого святого и включиться в идеологическую борьбу против отклонений в толковании християнских догм. Давая определение Иоанна Богослова, автор использовал несколько метафор-символов; Иоанн — это „высокопарящий орел", он же — „великий тул" (колчан), „сын громный", „пречистый лев" и „доброгласный соловей". Уподобление апостола *орлу* не вызвано одним лишь признаком силы, быстроты и высоты полета этой „царь птицы", как ее характеризует и физиолог; быстрота и высота полета здесь символизируют возвышенность мыслей и стремление отрешиться от всего „земного", соединиться с „небесным" или, как сказано в Азбуковнике о смысле „крил орла огненых", что они „являют высокопарное пророчество и разум"[37]. Следующий образ „великий тул" взят из *воинской* терминологии; он метонимически связан со *стрелами,* которые нередко встречаются в византийской религиозной литературе как метафора-характеристика защитником христианства; апостолы обычно — „стрелы избранны".[38] Образь *льва* здесь необычен как положительная характерстика. Он чаще используется для определения врагов веры, римских царей — мучителей первых христиан. Однако, как указывает В. П. Адрианова — Перетц, иногда и к святым прилагается эта метафора[39] — признак храбрости, мужества и силы. В нашем тексте она оправдана поведением Иоанна, решившего во что бы то ни стало вернуть в стадо Христово заблудшего разбойника. Любопытно, что весь этот короткий отрывок представляет собой ряд сопоставлений, если даже и не противопоставлений. Сопоставляются: *весь мир* и *небеса, высокопарящий орел* и *великий тул* (из которого еще не вылетели стрелы), *сын громный* (гром и небес) и *вся земля, пречистый* (но рыкающий) *лев* и *доброгласный соловей, правое учение* и *сердца неверующих и их темные дела.* В конечном итоге все эти сопоставления (противопоставления) можно подвести под общий знаменатель: бог, небеса, т.е. *вышнее* и *земля, человек,* т.е. *нижнее*, и эта антитеза получает свое разрешение в слиянии нижнего с вышнним, когда Бог-Слово через своего апостола Иоанна Богослова „правым учением" выводит людей из „пустынь и ущелий неверия" к светлой жизни. Противопоставление продолжается и в следующих четырех строках: „сѣ бо сладъкосло́вьıн н прѣүи́стъıн нѡа́нъ, дьнѣ́сь съ нєбе́съ прншѣ́дъ, прѣ́жде ръ́ıбарь бъ́ıвъ н мрѣжѫ̀ ѡврѣ́гъ, н тръ́сть ѡста́вль ꙗ́ сѧ по єүаггє́лнє". Здесь противопоставлена самой себе личность Иоанна Богослова: апостол сошедший с небес — бывшему рыбаку, простому человеку, а его ремесло с соответствующими признаками (тръсть и мрѣжа) — проповеди божьего слова (єүаггєлнє); антитетичны и сказуемые: ѡврьгь — ꙗ сѧ. По своему звуковому составу формально противопоставлены члены, говорящие об *апостоле* (1-й, 2-й и 4-й) третьему члену колона, сообщающему о бывшем его ремесле. Так в „апостольских" членах из 38 гласных, входящих в эти члены, 21 относится к переднему ряду и 17 к непереднему (55, 26 % : 44,73 %). В 3-м же члене имеется 11 гласных в соотношении — 5 передних (45,45 %) к 6 непередним (54,54 %)[40]. Не вдаваясь в подробности, отмечаем, что в приведенном колоне согласный (с) встречается 10 раз, (р) — 8 раз, (в) — 5 раз, (б) — 4 раза и т.д. Мы себе вполне отдаем отчет в том, что результаты подобного формального анализа могут совсем случайно соответствовать содержанию разбираемого текста. Однако мы не собираемся их сбрасывать со счетов как ничего не значащие. Дальнейшие поиски в этом направлении, быть может,

прольют больше света на взаимосвязь формы и содержания в произведениях не только Иоанна Экзарха Болгарского, но и других древних славянских книжников.

Рассматривая творчество Иоанна Экзарха с точки зрения нашего времени, мы можем придъявить ему сколько угодно упреков по форме и по существу, если не вникнем в обстоятельства, в которых он жил и творил. Конечко, его „научная аргументация" в нашу эпоху выглядит наивной, а его эстетический идеал отличается во многом от нашего, современного. И все же мы не в праве отрицать ему той исключительной заслуги в формировании (если допускается тут этот термин) „научного стиля" славянской письменности средних веков. Иоанн Экзарх Болгарский в первую очередь был ученым богословом, пытавшимся разрешать возникающие противоречия в христианской догматике и не допустить, чтобы недавно обращенные в християнство его соотечественники попали в сети еретиков. Поэтому пришелся по душе полемической слог Иоанна Златоуста, стиль лишенный избыточных эффектов внешнего порядка, но содержащий в себе строгую стройность и последовательность доводов. В этом и существенная разница между Иоанном Экзархом и Климентом Охридским, проповедником-поэтом, которому был ближе стиль „кападокийцев", им блестяще усвоенный и трансплантированный на славянскую почву.

Нет сомнения, что творчество многих позднейших славянских писателей испытало на себе воздействие стиля Иоанна Экзарха. Назовем хотя бы таких, как: Кирилл Туровский, Даниил Заточник и тем более соотечественник Иоанна Экзарха — Козма Презвитер. Задача славистов-медиевистов указать на основании тщательных исследований, в какой мере помог Иоанн Экзарх будущим славянским писателям учительной литературы, для которых он своим творчеством прокладывал дорогу.

ЛИТЕРАТУРА

[1] См. Калайдович, К. Ф. Иоанн Экзарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы. IX—X столетий, М. 1824; В. Ягич. Рассуждения Иоанна Экзарха Болгарского о славянском языке в предисловии к его переводу „Богословия" Иоанна Дамаскина. — Рассуждения старины о церковно-славянском языке, Исследования по русскому языку, Т. 1, СПб. 1885—1895, 320—325; П. Илиевски. Две слова на Климент Охридски и едно на Јован Егзарх в еден рукописен зборник от XV век. — Македонски јазик, год. VII, 1956, кн. I, 73—98. Б. Конески. Словата на Јована Егзарха. — Македонски језик, год. VII, 1957, кн. 1, 13—25; Д. Иванова-Мирчева. Преглед на изследванията върху езика на Йоан Екзарх. „Йоан Екзарх Български, Слова", Т. 1, БАН, С. 1971, 26—31; там же и „Слово за Преображение", Езиков анализ, 67—83 и „Похвала за Йоан Богослов", Езиков анализ, 135—161; Vondrák. V. O mluvě Jana Exacha Bulgarského, přispěvek k dějinám církevní sloslovanštiny. V Praze, 1896; A. Leskien. Zum Šestodnev des Exarchen Johannes. — Archiv für Slavische Philologie, Bd XXVI, 1904, 1—70; eiusdem, Die Übersetzungkunst des Exarchen Johannes. — Archiv für Slavische Philologie, Bd XXV, Berlin 1903, 48—66; E. Dvořakova. K překladu nominalnich konstrukci v Šestodněvu Joanna Exarchy. — Bulletin vysiké školy ruského jazyka a literatury, № 3, 1959, 141—165; Ernst Hansack, Der Übersetzungsstil des Exarshen Johannes. — Palaeobulgarica, 1 (1977), 3, 33—59; A. Lägreid, Der rhetorische Stil im Šestodnev des Exarchen Johannes, Wiesbaden 1965.

[2] P. Olteanu, Contribuţi la studiul literarii omiletice în vechile literaturi bulgară şi română, I, Omilie lui Joan Exarhul şi izvoarele lor bizantine; II, Omilie folosite în Invăţaturile lui Neagoe Basarab — Romano Slavica, XIV, Linguistica, Bucureşti 1967, стр. 341.

[3] См. Leskien, A. Die Überstzungskunst des Exarchen Johannes, 48—66.

[4] См. Иванова-Мирчева, Д. Йоан Екзарх Български, Слова, 57—58.

[5] См. История на българската литература, Т. 1; изд. Бан, С., 1962, стр. 127.

[6] См. Красимир Станчев. О философско-эстетических взглядах Константина-Кирилла Философа. — Старобългаристика (Palaeobulgarica), III (1979), 2, стр. 11.

[7] См. Н. С. Державин. История Болгарии, Т. 2; изд. АН СССР, Москва-Ленинград 1946, стр. 77.

[8] См. там же, стр. 79. Поэтому и А. Лескин назвал смелой попытку Йоанна Экзарха взяться за перевод такого трудного текста, т.к. подобная работа была бы не под силу даже для „современного языка и современного переводчика".

[9] Текста этого Слова опубликован А. Вайаном в Трудах Старославянского института в Загребе — Radovi Staroslavenskog instituta, knj. 3, 1958, 7—101. Параллельному (греческому и славянскому) тексту Слова предпослано интересное филологическое исследование текста 7—20 и в конце добавлен перевод Слова на французский язык. По мнению А. Вайана, перевод на славянский язык Слова Епифания следует отнести к первой половине X в., если даже и не к концу IX в. Он пишет: „On n'a pas le moyen de dater exactement la traduction vieux-slave initiale, dont on n'a que des copies du XIe siècle et postérieures. Mais d'après le témoignage de la langue dans le Clozianus, largement confirmé par le Suprasliensis, il s'agit d'une traduction ancienne, de la première moitié du Xe siècle pour moins. Les moravismes du Clozianus feraient penser à une traduction d'origine pannonienne, et l'Homiliaire de la Semaine Sainte qui contient l'Homélie d'Epiphane, avec insertion d'une homélie de Méthode, pourrait remonter aux disciples de l' apôtre slave et peut-être à la fin du IXe siècle" str. 20.

[10] и 10а см. там же, стр. 26 и 27.

[11] См. André Vaillant, La traduction vieux-slave des Catécheses de Cyrille de Jérusalem. — Byzantinoslavica, ročník IV (1932), str. 263. Славянский текст подготовлен на основании списка, относящегося к концу XI или началу XII века, хранящегося в древлехранилище ГИМ (Син. № 478); у Горского и Невоструева этот список значится под № 114. (А. Вайан датирует рукопись XII—XIII в.) Для этой публикации Вайан пользовался и рукописью из собрания Толстого (XIII в.); Обе эти рукописи он сверял с пятью рукописями-списками этого произведения, возникшими позднее.

[11a] См. там же, стр. 262. Греческий текст воспроизведен по изданию: Migne, Patrologiae graecae cursus completus, t. XXXIII, 381—424.

[12] Сам факт, что „Хиландарские листки", содержащие наше Поучение, относятся к первой половине XI в., говорит о большой древности перевода его на славянский язык.

[13] Оборот нѣсть с инфинитивом в значении „нельзя" находим также в „Беседе на новоявившуюся ересь Богумилу" в списке 30-х годов XVI в. (ЦГАДА, собр. М.А. Оболенского, № 161), где тексту: „. . . а здѣ в'мнѣ нѣсть сп(а)стн сѧ" в других списках, в частности списку из собрания Соловецкого монастыря (ГПБ) № 856, л. 41, соответствует: „. . . а здѣ в'мнѣ нельзѣ сп(а)стн сѧ".

[14] В Материалах для словаря древнерусского языка, Т. 3-й. ст. 1455 И.И. Срезневский приводит объяснение к глаголу цѣлоногователн, и это как раз пример из Оглашения Кирилла Иерусалимского: „ходить прямо здоровыми ногами" (οὐκ ἔστιν ὀρθοποδῆσαι).

[15] См. Д. Иванова-Мирчева. Йоан Екзарх Български, Слова, 57—58.

[16] Ягич, В. И. в „Критических заметках по истории русского языка" (СПб., 1889) писал, что „полное равенство обеих гласных в слове „сънъ" заходит далеко за пределы исторического существования отдельных славянских наречий" (с. 31), а „слабые" редуцированные упорно сохранялись в течение длительного времени, несмотря на потерю ударения, потому что действовала тенденция открытого слога. — См. об этом также: С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, изд. АН СССР, М., 1961, 248—250.

По всей вероятности ко времени Иоанна Экзарха возникли метатонические ударения типа: сѧ̃тъ, имѧ̃тъ и т.п. Следует, однако, указать на то, что при восстановлении слабых редуцированных, кроме указанных случаев (ѡ, въз-), мы сохраняем написание чловѣ́ѣ вместо чьловѣ́ѣ, т.к. древнейшие памятники славянской письменности, сохраняющие слабые редуцированные, регулярно представляют слово чловѣкъ и его производные без ь после начального ч. Кстати, благодаря такому написанию в конце 3-го члена возможно адонейская клаузула (X́ x x X́ x).

[17] Колесов, В. В. приводит примеры из русского Стихираря второй половины XII в., где также различается акцентовка этого слова: ꙗкó сѣнь (л. 80), ꙗкó богъ (л. 89), кръвь ꙗкó водо҇ (л. 91б), ꙗкó бѣ́гаѧ (л. 93), а также примеры из Чудовского Нового завета: ꙗ́ко да, прннмѹ́т (л. 63г), ꙗ́ко ннколи́же (л. 65б), ꙗ́ко не достóйны (л. 103а), но ꙗ́ко самъ (л. 90), да не ꙗ́ко (л. 84в) и т.п. — См. Колесов. В. В. Ударение в „Слове о полку Игореве" — Труды Отдела древнерусской литературы, т. 31 (1976), стр. 74.

[18] См. Сиротинина, О.Б. Порядок слов в русском языке. — изд. Саратовского университета, 1965, стр. 34—41. Надо полагать, что на этом основании и в современном сербскохорватском языке существует энклиза форм дат. п. мн ч. личного местоимения 3-го л. в таких примерах, как: „кâже⌣им тô пâ се врати" или вин. п.: „пòгледā⌣их мр̂ко и рèче".

[19] См. Бычков, В. В. Образ как категория византийской эстетики. — Византийский временник, т. 34 (1973), стр. 159.

[20] См. там же, 161—162.

[21] См. Мещерский, Н. А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений. — В сборнике „Теория и критика перевода", изд. Ленинградского госуниверситета (ЛГУ), Л., 1962, стр. 103.

[22] Текст пересказа продолжается на л. 242а до 14-й строки, однако нам кажется, что и этих 19 строк вполне будет достаточно для нашей цели — показать риторическое мастерство нашего автора.

[23] В рукописном Сборнике Германа (равно как и в других списках, русского извода) на этом месте находим не дєсѧтє, а дєсѧтн (с выносной буквой χ). Как указывает Н. Ван-Вейк: „дєсѧть в родительном и местном падежах ед.ч. имеет окончание -и, а часто встречающиеся числительные 11—19 оканчиваются на -е: єдннъ на дєсѧтє, дъва на дєсѧтє и т.д., только **Acc. ев.,** 106 (Матф., 26, 47) обою на дєсѧтн. . .“ (См. Н. Ван-Вейк. История старославянского языка. — изд. „Иностранная литература“, Москва 1956, стр. 250). Форма дєсѧтнχъ могла возникнуть позже, о чем говорит и А. А. Шахматов (см. его „Историческую морфологию русского языка“, Учпедгиз, 1957, с. 145).

[24] Если допустим, что ѫ во времена Иоанна Экзарха конечный редуцированный все-таки произносился в предлоге ѡ (отъ), то клаузулы 8-го и 9-го членов нашего отрывка будут одинаковы (**X́ x x x x X́ x**). Здесь будет кстати напомнить, что многие из клаузул, встречающихся в нашем тексте, встречаются также и в написанных дольником стихах некоторых русских поэтов XIX—XX вв. Так, например, у А. С. Пушкина в „Сказке о попе и работнике его Балде“: „Какой тебе́ на́добен обро́к?“ или „На, тре́тьем уста́л, но́жки протяну́л“ (**X́ x x x X́**); „Бесёнок оторопе́л“ (**x X́ x x x x X́**). Ср. также у В. В. Маяковского: „Дети спросят: что такое капиталист? / Как дети теперь: — Что это г-о-р-о-д-о-в-о-й?“ („Владимир Ильич Ленин“).

[25] См. об этом: H. Usener. Rhein. Museum (41), s. 501 и след.; см. также: K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur, 2. Aufl. München 1897, s. 188 и след.

[26] См. Иванова-Мирчева, Д. Цит. съч., 51—52.

[27] В Сборнике Германа написано ти (союз) и, надо полагать, это слово было проклитикой (как и союз „и“) с нисходящей интонацией гласного. В сочетании с числительным тр҃и, обладавшим такой же интонацией, ударение должно было перейти на проклитику (по закону Шахматова-Лескина); ср. в современном сербскохорватском: **ȉ трȉ, ȉ двȁ** при **ȁ тȉ** (и ты), **ȉ брат**.

[28] См. Лихачев, Д. С. Древнеславянские литературы как система. — Сборник „Славянские литературы“, доклады советской делегации на VI Международном съезде славистов; изд. „Наука“, М. 1968, стр. 12.

[29] См. Иванова-Мирчева, Д. Указ. сочинение, стр. 47.

[30] См. там же, стр. 48.

[31] С подобными явлениями нередко встречаемся и в разговорной речи; чем менее плеонастично (к тому же с парономасией) русское: „Во сне мне снилось (приснилось)“ или сербскохорватский фразеологизм: „У сну се не снио!“ — связанный с поверием, будто увидеть самого себя во сне предзнаменует близкую смерть тому, кому снилось.

[32] См. Сиротинина, С. Б. Указ, сочинение, с. 17. — Для нас здесь особенно интересны данные, касающиеся „Сказания о Борисе и Глебе“ и „Истории Иудейской войны“, т.к. в этих двух произведениях в сильной мере отразился синтаксическо-стилистический строй старославянского языка. По этим данным, в „Сказании о Б. и Г.“ соотношение между препозицией и постпозицией притяж. местоимения — определения выражается в числах как 8:42, а в „Истории Иуд. войны“ — 15:48.

[33] См. Успенский сборник XII—XIII вв. — Издание подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон (под редакцией С. И. Коткова), изд. „Наука“, М. 1971, стр. 430 [л. 263г 5—10].

[34] См. История Византии (в трех томах), Т. 1; М., 1967, стр. 420.

[35] См. Успенский сборник XII—XIII вв., стр. 429 [л. 263а 12—15].

[36] См. Д. Иванова-Мирчева. Указ. сочинение, стр. 162 [л. 30б 1—4].

[37] См. А. Карнеев. Физиолог. Спб. 1890, стр. XXIII; см. также В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. — изд. АН СССР, М.—Л., 1947, 84—85.

[38] См. там же, стр. 109.

[39] См. там же, стр. 89.

[40] О том, что на результаты формального анализа нельзя полностью всегда положиться и на их основании пока делать обобщающие выводы, лучше всего говорит звуковой состав 1-го из четырех членов приведенного здесь колона. В этом члене, если брать его в отдельности, значительно преобладают гласные непереднего ряда в соотношении с передними — 10: 4 или 71,42%:28,57%. Правда, в этом „апостольском“ члене все еще высока частотность согласного (с) — 25%, (л) — 12,5%, но зато согласные: (б), (в), (д), (j), (к), (н), (п), (р), (ч) и даже (т) встречаются в нем лишь по одному разу.